

ПОКАЗАНИЯ РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА

Еще раз повторяю, джентльмены: все ваше расследование ничего не даст. Держите меня здесь хоть целую вечность; заточите меня в темницу, казните меня, если уж вам так необходимо принести жертву тому несуществующему божееству, которое вы именуете правосудием, — но вы не услышите от меня ничего нового. Я рассказал вам все, что помню, рассказал как на духу, не исказив и не сокрыв ни единого факта, и если что-то осталось для вас неясным, то виною тому — мгла, заставшая мне рассудок, и неуловимая, непостижимая природа тех ужасов, что навлекли на меня эту мглу.

Повторяю: мне неизвестно, что случилось с Харли Уорреном, хотя я думаю — по крайней мере, надеюсь, — что он пребывает в безмятежном забытьи, если, конечно, блаженство такого рода вообще доступно смертному. Да, в течение пяти лет я был ближайшим другом и верным спутником Харли в его дерзких изысканиях в области неведомого. Не стану также отрицать, что человек, которого вы выставляете в качестве свидетеля, вполне мог видеть нас вдвоем в ту страшную ночь, в половине двенадцатого, на Гейнсвилльском пике, откуда мы, по его словам, направлялись в сторону Трясины Большого Кипариса — сам я, правда, этих деталей почти не помню. А вот то, что у нас при себе были электрические фонари, лопаты и моток провода с какими-то аппаратами на концах, я готов подтвердить даже под присягой, поскольку все эти предметы играли немаловажную роль в той нелепой

и чудовищной истории, отдельные подробности которой глубоко врезались мне в память, как бы ни была она слаба и ненадежна. Относительно же последующих событий, а также причины того, почему меня обнаружили наутро одного и в невменяемом состоянии на краю болота, — об этом, клянусь, мне неизвестно ничего, помимо тех фактов, которые я уже устал вам повторять. Вы говорите, что ни на болоте, ни в его окрестностях нет такого места, где мог бы произойти описанный мною кошмарный эпизод. Но я всего лишь поведал о том, что видел собственными глазами, и мне нечего добавить. Было ли это видением или бредом — о, как бы мне хотелось, чтобы это было видением или бредом! — я не знаю, но это все, что осталось в моей памяти от тех страшных часов, когда мы находились вне поля зрения людей. И на вопрос, почему Харли Уоррен не вернулся, ответить может только он сам, или его тень — или то неведомое, что я не в силах описать.

Повторяю, я не только знал, какого рода изысканиям посвящает себя Харли Уоррен, но и принимал в них определенное участие. Из его обширной коллекции старинных редких книг на запретные темы я перечитал все те, что написаны на языках, которыми я владею; таких, однако, было очень мало по сравнению с фолиантами, испещренными абсолютно неизвестными мне знаками. Большинство, насколько я могу судить, — арабскими, но в той гробовдохновенной книге, что привела к чудовищным последствиям, — в той книге, которая навсегда осталась у него в кармане, — был использован алфавит, подобного которому я никогда и нигде не встречал. Уоррен ни за что не соглашался открыть мне, о чем эта книга. Относительно же предмета наших штудий я могу лишь повторить, что сегодня уже не вполне его себе представляю. И, по правде говоря, я даже рад своей забывчивости, потому что это были жуткие изыскания, которым я предавался скорее с деланным энтузиазмом, нежели с неподдельным интересом. Уоррен всегда как-то подавлял меня, а временами я его даже побаивался. Помню, как мне стало не по себе от выражения его лица накануне того ужасного происшествия — в тот момент, когда

он с увлечением излагал мне свои мысли по поводу того, почему иные трупы не разлагаются, но тысячелетиями лежат в своих могилах, неподвластные тлену. Но сегодня я уже не вижу причин страшиться Уоррена, ибо подозреваю, что он столкнулся с такими ужасами, рядом с которыми мой страх — ничто. Сегодня я боюсь уже не его, а *за* него.

Еще раз говорю, что я не имею достаточно ясного представления о наших намерениях в ту ночь. Несомненно лишь то, что они были самым тесным образом связаны с книгой, которую Уоррен захватил с собой, — с той самой древней книгой на непонятном языке, что пришла ему по почте из Индии месяц тому назад. Но, готов поклясться, я не знаю, что именно мы собирались найти. Свидетель показал, что видел нас в половине двенадцатого на Гейнсвилльском пике, откуда мы держали путь в сторону Трясины Большого Кипариса. Возможно, так оно и было, но мне это как-то слабо запомнилось. Картина, врезавшаяся мне в душу — и опалившая ее, — состоит всего лишь из одной сцены. Надо полагать, было уже далеко за полночь, так как ущербный серп луны стоял высоко в застланных дымкой небесах.

Местом действия было старое кладбище, настолько старое, что я затрепетал, глядя на многообразные приметы вековой древности. Находилось оно в глубокой сырой лощине, заросшей мхом, бурьяном и причудливо стелющимися травами. Неприятный запах, наполнявший лощину, абсурдным образом связался в моем праздном воображении с гниющим камнем. Со всех сторон нас обступали дряхлость и запустение, и меня не отпускала мысль, что мы с Уорреном — первые живые существа, нарушившие многовековое могильное безмолвие. Ущербная луна над краем ложбины тускло проглядывала сквозь нездоровые испарения, которые, казалось, струились из каких-то неведомых катакомб, и в ее слабом, неверном свете я различал зловещие очертания старинных плит, урн, кенотафов и сводчатых входов в склепы — крошащихся, замшелых, темных от сырости и наполовину скрытых в буйном изобилии вредоносной растительности.

Первое, что мне запомнилось в связи с нашим пребыванием в этом чудовищном некрополе, было то, как мы с Уорреном остановились перед какой-то ветхой гробницей и скинули на землю поклажу, по-видимому принесенную нами с собой. Помню, что у меня было две лопаты и электрический фонарь, а у моего спутника — такой же фонарь и переносной телефонный аппарат. Между нами не было произнесено ни слова, ибо и место, и наша цель были нам как будто известны. Не теряя времени, мы взялись за лопаты и принялись счищать траву, сорняки и налипший грунт со старинного плоского надгробья. Расчистив крышу склепа, составленную из трех тяжелых гранитных плит, мы отступили на несколько шагов, чтобы окинуть взором полученный результат. Уоррен, похоже, производил в уме какие-то расчеты. Вернувшись к могиле, он взял лопату и, орудуя ею как рычагом, попытался приподнять плиту, расположенную ближе других к груде камней, которая в свое время, вероятно, представляла собою памятник. Не справившись, он жестом позвал меня на помощь. Совместными усилиями нам удалось расшатать плиту, приподнять ее и поставить на бок.

На месте удаленной плиты обнажился черный провал, из которого вырвались клубы столь тошнотворных миазмов, что мы с отвращением отпрянули назад. Когда спустя некоторое время мы снова приблизились к яме, испарения были уже не такими густыми. Наши фонари осветили верхнюю часть каменной лестницы, сочащейся какой-то злокачественной сукровицей подземных глубин. По бокам ее тянулись влажные стены с налетом селитры. Именно в этот момент прозвучали первые сохранившиеся в моей памяти слова. Нарушил молчание Уоррен, и голос его — приятный, бархатный тенор — был, несмотря на кошмарную обстановку, таким же спокойным, как всегда.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я вынужден просить тебя остаться на поверхности. Я совершил бы преступление, если бы позволил человеку с такими слабыми нервами, как у тебя, спуститься туда. Ты даже не представляешь — несмот-

ря на все прочитанное и услышанное от меня, — что именно суждено мне увидеть и совершить. Это страшная миссия, Картер, и нужно обладать стальными нервами, чтобы после всего увиденного там, внизу, вернуться в мир живым и в здравом уме. Я не хочу тебя обидеть, и, видит бог, я рад, что ты со мной. Но ответственность главным образом лежит на мне, а я не считаю себя вправе увлекать такого чрезмерно впечатлительного человека к порогу возможной смерти или безумия. Ты ведь даже не можешь себе представить, что ждет меня там! Но обещаю ставить тебя в известность по телефону о каждом своем движении — как видишь, моего провода хватит до центра Земли и обратно.

Слова эти, произнесенные бесстрастным тоном, до сих пор звучат у меня в ушах, и я хорошо помню, как пытался увещевать его. Я отчаянно умолял его взять меня с собой в загробные глубины, однако он был неумолим. Он даже пригрозил, что откажется от своего замысла, если я буду продолжать настаивать на своем. Угроза эта возымела действие, ибо только он один знал нашу цель. Все эти подробности я хорошо помню, а вот в чем заключалась эта цель, теперь уже сказать не могу. С большим трудом добившись от меня согласия быть во всем ему послушным, Уоррен поднял с земли катушку с проводом и настроил аппараты. Я взял один из них и уселся на старый, заплесневелый камень подле входа в гробницу. Уоррен пожал мне руку, взвалил на плечо моток провода и скрылся в недрах мрачного склепа.

С минуту мне был виден отблеск его фонаря и слышно шуршание сходящего с катушки провода, но потом свет внезапно исчез, как если бы лестница сделала резкий поворот, и почти сразу вслед за этим пропал и звук. Я остался один, но у меня была связь с неведомыми безднами через магический провод, обмотка которого зеленовато поблескивала в слабых лучах лунного серпа.

Я то и дело высвечивал фонарем циферблат часов и с лихорадочной тревогой прижимал ухо к телефонной трубке, однако в течение четверти часа до меня не доносилось ни

звука. Потом в трубке раздался слабый треск, и я взволнованным голосом выкрикнул в нее имя своего друга. Несмотря на все свои предчувствия, я все же никак не ожидал услышать те слова, что донеслись до меня из глубин проклятого склепа и были произнесены таким возбужденным, дрожащим голосом, что я не сразу узнал по нему своего друга Харли Уоррена. Еще совсем недавно казавшийся таким невозмутимым и бесстрастным, теперь он говорил шепотом, который звучал страшнее, чем самый душераздирающий вопль:

— Боже! Если бы ты только видел то, что вижу я!

Я был не в силах произнести ни слова, и мне оставалось только безмолвно внимать голосу на другом конце трубки. И тогда до меня снова донеслись исступленные возгласы:

— Картер, это ужасно! Это чудовищно! Это просто невообразимо!

На этот раз голос не изменил мне, и я разразился целым потоком тревожных вопросов. Вне себя от ужаса, я твердил снова и снова:

— Уоррен, что случилось? Говори же, что происходит?

И вновь я услышал голос друга — искаженный страхом голос, в котором явственно слышались нотки отчаяния:

— Я ничего не могу тебе сказать, Картер! Это выше всякого разума! Я просто не вправе ничего тебе говорить, ты слышишь? Кто знает об этом, тот уже не жилец. Господи! Я ждал чего угодно, но только не этого.

Снова тишина, если не считать бессвязного потока вопросов с моей стороны. Потом опять раздался голос Уоррена — на этот раз проникнутый беспредельным ужасом.

— Картер, ради всего святого — верни плиту на место и беги отсюда, пока не поздно! Скорей! Бросай все и беги — это твой единственный шанс на спасение. Делай, как я говорю, и ни о чем не спрашивай!

Я слышал все это и тем не менее продолжал исступленно задавать вопросы. Меня окружали могилы, тьма и тени, подо мной таился ужас, недоступный воображению смертного. Но друг мой находился в еще большей опасности, нежели я,

и, несмотря на страх, мне было даже обидно, что он полагает меня способным покинуть его при таких обстоятельствах. Еще несколько щелчков, и после короткой паузы вновь отчаянный вопль Уоррена:

— Сматывайся! Ради бога, верни плиту на место и держай отсюда, Картер!

То, что мой спутник опустился до столь вульгарных выражений, указывало на крайнюю степень его потрясения, и эта последняя капля переполнила чашу моего терпения. Молниеносно приняв решение, я закричал:

— Уоррен, держись! Я спускаюсь к тебе!

Но на эти слова абонент мой откликнулся воплем, в котором сквозило теперь уже безысходное отчаяние:

— Не смей! Как ты не понимаешь! Слишком поздно! Я виноват — мне и отвечать! Бросай плиту и беги — мне уже ничто не поможет!

Тон Уоррена опять переменялся. Он сделался мягче, в нем была слышна горечь безнадежности, но в то же время ясно звучала тревога за мою судьбу.

— Поторопись, не то будет слишком поздно!

Я старался не придавать его увещаниям большого значения, пытаюсь стряхнуть с себя оцепенение и наконец прийти к нему на помощь. Но когда он заговорил в очередной раз, я по-прежнему сидел без движения, скованный тисками ледящего ужаса.

— Картер, поспеши! Не теряй времени! Это бессмысленно... тебе нужно уходить... лучше я один, чем мы оба... плиту...

Пауза, щелчки и вслед за тем слабый голос Уоррена:

— Почти все кончено... не продлевай мою агонию... завали вход на эту чертову лестницу и беги что есть мочи... ты только зря теряешь время... прощай, Картер... прощай навсегда...

Тут Уоррен резко перешел с шепота на крик, завершившийся воплем, исполненным тысячелетнего ужаса:

— Будь они прокляты, эти исчадия ада! Их здесь столько, что не счесть! Господи!.. Беги! Беги! БЕГИ!

Потом наступило молчание. Мне показалось, будто я несколько веков просидел там недвижимый, шепча, бубня, бормоча, взывая, крича и вопя в телефонную трубку. Века сменялись веками, а я все сидел и шептал, бормотал, звал, кричал и вопил:

— Уоррен! Уоррен! Ты меня слышишь? Где ты?

А потом на меня обрушился тот ужас, что явился апофеозом всего произошедшего — ужас невыразимый, невообразимый и почти невыразимый. Я уже говорил, что как будто вечность миновала с тех пор, как Уоррен прокричал свое последнее отчаянное предупреждение, и что теперь только мои крики нарушали гробовую тишину. Однако через некоторое время в трубке снова раздались щелчки, и я весь превратился в слух.

— Уоррен, ты здесь? — позвал я его снова, и в ответ услышал то, что навлекло на мой рассудок беспроглядную мглу.

Я даже не пытаюсь дать себе отчет в том, что это было — я имею в виду голос, джентльмены, — и не решаюсь описать его подробно, ибо первые же произнесенные им слова заставили меня лишиться чувств и привели к тому провалу в сознании, что продолжался вплоть до момента моего пробуждения в больнице. Стоит ли говорить, что голос был низким, вязким, глухим, далеким, замогильным, нечеловеческим, бесплотным? Это все, что я могу сказать. На этом кончаются мои отрывочные воспоминания, а с ними и мой рассказ. Я услышал этот голос — и впал в беспамятство. На неведомом кладбище в глубокой сырой лощине, в окружении крошащихся плит и покосившихся надгробий, среди буйных зарослей и вредоносных испарений я сидел, оцепенело наблюдая за пляской бесформенных, жадных до тлена теней под бледной ущербной луной, когда из самых сокровенных глубин зияющего склепа до меня донесся этот голос.

И вот что он произнес:

— ГЛУПЕЦ! УОРРЕН МЕРТВ!

НЕИМЕНУЕМОЕ

Как-то осенью, под вечер, мы сидели на запущенном надгробии семнадцатого века посреди старого кладбища в Аркхеме и рассуждали о неименуемом. Устремив взор на исполинскую иву, в ствол которой почти целиком выросла старинная могильная плита без надписи, я принялся фантазировать по поводу той, должно быть, нездешней и, вообще, страшно сказать какой пищи, которую извлекают эти гигантские корни из почтенной кладбищенской земли. Приятель мой ворчливо заметил, что все это сущий вздор, так как здесь уже более ста лет никого не хоронят и, стало быть, в почве не может быть ничего такого особенного, чем бы могло питаться это дерево, кроме самых обычных веществ. И вообще, добавил он, моя непрерывная болтовня о «неименуемом» и разном там «страшно сказать каком» — все это пустой детский лепет, вполне под стать моим потугам на литературном поприще. По его мнению, у меня была нездоровая склонность заканчивать свои рассказы описанием всяческих кошмарных видений и звуков, которые лишают моих персонажей не только мужества и дара речи, но и памяти, в результате чего они даже не могут поведать о случившемся другим людям. Всем, что мы знаем, заявил он, мы обязаны своим пяти органам чувств, а также интуитивным прозрениям; следовательно, не может быть и речи о таких предметах или явлениях, которые бы не поддавались либо строгому описанию, основанному на достоверных фактах, либо истолкованию в духе

канонических богословских доктрин — в качестве же последних предпочтительны догматы конгрегационалистов со всеми их модификациями, привнесенными временем и сэром Артуром Конан Дойлем.

С Джоэлом Мэнтоном (так звали моего приятеля) мы часенъко вели долгие и нудные споры. Он был директором Восточной средней школы, а родился и вырос в Бостоне, где и приобрел то характерное для жителей Новой Англии самодовольство, что отличается глухотой ко всем изысканным обортонам жизни. Если что-нибудь и имеет подлинную эстетическую ценность, полагал Мэнтон, так это наш обычный, повседневный опыт, и, следовательно, художник призван не возбуждать в нас сильные эмоции посредством увлекательного сюжета и изображения глубоких переживаний и страстей, но поддерживать в читателе умеренный интерес и воспитывать вкус к точным, детальным отчетам о будничных событиях. Особенно же претила ему моя излишняя сосредоточенность на мистическом и необъяснимом; ибо, несравнимо глубже веруя в сверхъестественное, нежели я, он не выносил, когда потустороннее низводили до уровня обыденности, делая его предметом литературных упражнений. Его логичному, практическому и трезвому уму было не дано понять, что именно в уходе от житейской рутины и в произвольном манипулировании образами и представлениями, обычно подгоняемыми нашей ленью и привычкой под избитые схемы действительной жизни, можно черпать величайшее наслаждение. Все предметы и ощущения имели для него раз и навсегда заданные пропорции, свойства, причины и следствия; и, хотя он смутно осознавал, что мысль человеческая временами может сталкиваться с явлениями и ощущениями отнюдь не геометрического характера, абсолютно не укладывающимися в рамки наших представлений и опыта, он все же считал себя вправе проводить условную границу и выдвоять за ее пределы все, что не может быть испытано и осмыслено среднестатистическим гражданином. Наконец,

он был почти уверен в том, что не может быть ничего настоящего «неименуемого». Само это слово казалось ему лишенным смысла.

Пытаясь переубедить этого самодовольного материалиста-ортодокса, я прекрасно сознавал всю тщетность лирических и метафизических аргументов, однако было в обстановке нашего вечернего диалога нечто такое, что побуждало меня выйти за рамки обычного спора. Полуразрушенные плиты, патриархальные деревья и обступавшие кладбище со всех сторон остроконечные крыши старинного городка с его колдовскими преданиями — все это вкупе подвигло меня встать на защиту своего творчества, и вскоре я уже разил врага его собственным оружием. Перейти в контратаку, впрочем, не составило особого труда, поскольку я знал, что Джоэл Мэнтон весьма чувствителен ко всякого рода поверьям, над которыми в наши дни смеется любой мало-мальски образованный человек. Я говорю о таких представлениях, как, например, то, что после смерти человек может объявляться в самых отдаленных местах или что на окнах навеки запечатлеваются предсмертные образы людей, глядевших в них в течение всей жизни. Серьезно относиться к тому, о чем шушукуются деревенские старушки, заявил я для начала, ничуть не лучше, чем верить в посмертное существование неких бестелесных субстанций отдельно от их материальных двойников, а также в явления, не укладывающиеся в рамки обычных представлений. Ибо если верно, что мертвец способен передавать свой видимый или осязаемый образ в пространстве (на расстояние в полземного шара) и во времени (через века), то так ли уж абсурдно предполагать, будто заброшенные дома населены непонятными тварями, обладающими органами чувств, или что старые кладбища накапливают в себе разум поколений, чудовищный и бесплотный? И если те свойства, что мы приписываем душе, не подчиняются никаким физическим законам, то разве невозможно вообразить, что после физической смерти человека продолжает жить некая

чисто духовная сущность, принимающая такую форму — или скорее бесформенность, — которая необходимо должна представляться наблюдателю чем-то абсолютно «неименуемым»? И вообще, когда размышляешь о подобных материях, то лучше всего оставить в покое так называемый «здравый смысл», который в данном случае означает не что иное, как элементарное отсутствие воображения и гибкости ума. Последнюю мысль я высказал Мэнтону тоном дружеского сочувствия.

День клонился к закату, но нам даже не приходило в голову закругляться с беседой. Мэнтон оставался глух к моим доводам и продолжал оспаривать их с той убежденностью в своей правоте, каковая, вероятно, и принесла ему успех на педагогической ниве. Я же имел в запасе достаточно веские аргументы, чтобы не опасаться поражения. Стемнело, в отдельных окнах замерцали огоньки, но мы не собирались покинуть свое удобное место на гробнице. Моего прозаического друга, по-видимому, нисколько не смущала ни глубокая трещина, зиявшая в поросшей мхом кирпичной кладке прямо за нашей спиной, ни окружавший нас крошечный мрак, объяснявшийся тем, что между надгробием, на котором мы расположились, и ближайшей освещенной улицей возвышалось полуразрушенное нежилое здание, выстроенное еще в семнадцатом веке. Здесь, в этой непроглядной тьме, на полуразвалившейся гробнице вблизи заброшенного дома, мы вели нескончаемую беседу о «неименуемом», и, когда Мэнтон наконец устал отпускать язвительные замечания, я поведал ему об одном ужасном случае, действительно имевшем место и легшем в основу того из моих рассказов, над которым он более всего смеялся.

Рассказ этот назывался «Чердачное окно». Он был опубликован в январском выпуске «Шепотов» за 1922 год. Во многих городах страны, в особенности на Юге и на Тихоокеанском побережье, номер с этим рассказом даже убирали с прилавков, удовлетворяя жалобам слабонервных нытиков. Одна лишь Новая Англия оставалась невозмутимой и только пожимала плечами в ответ на мою эксцентричность. Преж-

де всего, утверждали мои критики, пресловутое существо просто биологически невозможно и то, что я о нем сообщаю, представляет собой всего лишь одну из версий расхожей деревенской байки, которую Коттон Мэзер лишь по чрезмерной доверчивости вставил в свой эклектичный опус «Великие деяния Христа в Америке», причем подлинность этой небылицы настолько сомнительна, что сей почтенный автор даже не рискнул назвать место, где произошел ужасный случай. Столь же неприемлемым для них было то, как я развил и разукрасил представленную в вышеупомянутой книге голую сюжетную канву, тем самым окончательно разоблачив себя как легкомысленного и претенциозного графомана. Мэзер и правда писал о появлении на свет некоего существа, но кто, кроме дешевого сенсуалиста, мог бы поверить, что оно выросло и взяло себе за привычку по ночам заглядывать в окна домов, а днем прятаться на чердаке заброшенного дома, и так до тех пор, пока столетие спустя какой-то прохожий не увидел его в чердачном окне, а потом так и не смог объяснить, отчего у него поседел волосы? Все это было чистой воды вымыслом, притом нелепым, и приятель мой в очередной раз огласил эту точку зрения. Тогда я поведал ему о содержании дневника, обнаруженного среди прочих бумаг семейного архива менее чем в миле от того места, где мы находились, и датированного 1706–1723 годами. В дневнике упоминалось о необычных шрамах на спине и груди одного из моих предков, и я заверил Мэзера в подлинности этого свидетельства. Я также рассказал ему о страшных историях, имеющих хождение среди местного населения и передаваемых по секрету из поколения в поколение, а также о том, как отнюдь не в переносном смысле сошел с ума один паренек, осмелившийся в 1793 году войти в покинутый дом, чтобы взглянуть на некие следы, на которые намекала традиция.

Да, то было время диких суеверий — какой впечатлительный человек не содрогнется, изучая массачусетские летописи пуританской эпохи? Сколь бы немногочисленными ни

были наши сведения о том, что скрывалось за внешней стороной событий, но уже по тем отдельным чудовищным проявлениям, когда гной вырывался и бил ключом, можно судить о всей степени разложения. Ужас перед черной магией — одно из объяснений того кошмара, что царил в смятенных умах человеческих, но даже и это не главное. Из жизни изгонялась красота, изгонялась свобода — об этом можно судить по бытовым и архитектурным останкам эпохи, а также по ядовитым проповедям невежественных богословов. Под смиренной рубашкой из ржавого железа таилась дурная злоба, извращенный порок и сатанинская одержимость. Вот в чем заключался подлинный апофеоз Неименуемого!

Ни единого слова не смягчил Коттон Мэзер, когда разрился анафемой в своей демонической шестой книге, которую не рекомендуется читать после наступления темноты. Сурово, словно библейский пророк, в немногословной и бесстрастной манере, в какой не умел выражаться никто после него, он поведал о твари, породившей на свет нечто среднее между собою и человеком, нечто, обладающее дурным глазом, и о несчастном пьянчуге, повешенном, несмотря на все его просьбы и вопли, за одно лишь то, что у него на глазу было бельмо якобы столь же дурного свойства. На этом откровенность Мэзера заканчивается, и он не делает ни малейшего намека на то, что произошло в дальнейшем. Возможно, он просто не знал, а может быть, и знал, да не посмел сказать. Потому что все, кто знал, предпочитали молчать, и до сих пор неизвестно, что заставляло их переходить на шепот при упоминании о замке на двери, скрывавшей за собой чердачную лестницу в доме бездетного, убогого и угрюмого старца, установившего на могиле, которую все обходили стороной, плиту без надписи. На этот счет существует достаточное количество уклончивых слухов, от которых стынет самая пылкая кровь.

Все эти сведения я почерпнул из найденной мною семейной хроники; там же содержится множество скрытых наме-

ков и не предназначенных для посторонних ушей историй о существах с дурным глазом, появлявшихся по ночам то в окнах, то на безлюдных лесных опушках. Возможно, что именно одна из таких тварей напала на моего предка ночью на проселочной дороге, оставив следы рогов на его груди и царапины, как от обезьяньих лап, на спине. На самой же дороге были обнаружены четко отпечатавшиеся в пыли отпечатки копыт и чего-то еще, имеющего отдаленное сходство со ступнями человекообразной обезьяны. Один почтальон рассказывал, как, проезжая верхом по делам службы, он видел вышеупомянутого старика, преследовавшего и окликавшего какое-то гадкое существо, вприпрыжку уносившееся прочь. Дело происходило на Медоу-Хилл незадолго до рассвета при тусклом сиянии луны. Интересно, что многие поверили почтальону. Доподлинно известно также то, что в 1710 году, в ночь после похорон убогого и бездетного старца (тело которого положили в склеп позади его дома, рядом со странной плитой без надписи) на кладбище раздавались какие-то голоса. Дверь на чердак отпирать не решились, и дом был оставлен таким, каким был, — мрачным и заброшенным. Когда из него доносились звуки, все вздрагивали и перешептывались, ободряя себя надеждой на прочность замка на чердачной двери. Надежде этой пришел конец после кошмара, случившегося в доме приходского священника, жильцов которого обнаружили не просто бездыханными, но разодранными на части. С годами легенды все более приобретали характер историй о привидениях — вероятно, по той причине, что если отвратительное существо действительно когда-то жило, то потом оно, как я полагаю, скончалось. Сохранилась лишь память о нем — тем более ужасная оттого, что она держалась в строгой тайне.

За время моего рассказа Мэнтон потерял свою обычную словоохотливость, и я сделал вывод, что слова мои произвели на него глубокое впечатление. Когда я замолчал, он не рассмеялся, как обычно, но вполне серьезным тоном осведо-

мился у меня о том пареньке, что сошел с ума в 1793 году и явился прототипом главного героя моего рассказа. Я объяснил ему, зачем тому мальчику потребовалось посетить мрачный заброшенный дом, который все обходили стороной. Случай этот не мог не заинтересовать моего приятеля, поскольку он верил в то, что на окнах запечатлеваются лица людей, сидевших перед ними. Наслушавшись рассказов о существах, появлявшихся в окнах пресловутого чердака, паренек решил сам сходить и поглядеть на них — и вернулся, заходясь в истошном крике.

Пока я говорил, Мэнтон был погружен в глубокую задумчивость, но, как только я закончил, он сразу вернулся в свое обычное скептическое расположение духа. Допустив, хотя бы в качестве предпосылки для дальнейшей дискуссии, что какой-то противоестественный монстр существовал на самом деле, Мэнтон, однако, посчитал своим долгом напомнить мне, что даже к самому патологическому извращению природы вовсе не обязательно относиться как к «неименоуемому» или, скажем, неопишуемому средствами современной науки. Признав, что я отдаю должное его здравому смыслу и несгибаемости, я привел еще несколько свидетельств, добытых мной у очень пожилых людей. В этих позднейших историях с привидениями, пояснил я, речь шла о фантомах столь ужасных и отвратительных, что никак нельзя предположить, чтобы они имели органическое происхождение. Это были кошмарные призраки гигантских размеров и самых чудовищных очертаний, в одних случаях видимые, в других — только ощутимые; в безлунные ночи они как бы плыли по воздуху, появляясь то в старом доме, то возле склепа позади него, то на могиле, где рядом с безымянной плитой пустило корни молодое деревце. Правда ли, что они душили и рвали людей на части, как то утверждала голословная молва, или нет, я не знаю, но, во всяком случае, призраки эти производили сильное и неизгладимое впечатление. Неспроста старейшие из местных жителей так страшились их еще каких-ни-

будь два поколения назад, и лишь в последнее время о них почти перестали вспоминать, что, кстати, и могло послужить причиной их ухода в небытие. Наконец, если взглянуть на проблему с эстетической точки зрения и вспомнить, какие гротескные, искаженные формы принимают духовные эманации, или призраки, человеческих существ, то вряд ли стоит ждать связного и членораздельного описания в тех случаях, когда мы имеем дело с такой бесформенной паробразной мерзостью, как дух злобной, уродливой бестии, само существование которой уже есть страшное кощунство по отношению к природе. Эта чудовищная химера, порожденная мертвым мозгом дьявольской помеси зверя и человека, — не представляет ли она во всей неприглядной наготе все по-длинно, вопиюще неименуемое?

Должно быть, час уже был очень поздний. Летучая мышь на удивление бесшумно пролетела мимо; она задела меня крылом, да и Мэнтона, вероятно, тоже — в темноте я не видел его, но мне показалось, что он взмахнул рукой.

— А дом? — заговорил он спустя некоторое время. — Дом с чердачным окном — он сохранился? И там по-прежнему никто не живет?

— Да, я видел его собственными глазами.

— Ну и как? Там что-нибудь было? Я имею в виду, на чердаке или где-нибудь еще...

— Там, в углу на чердаке, лежали кости. Не исключено, что именно их и увидал тот паренек. Слабонервному, чтобы свихнуться, и того достаточно, ибо если все эти кости принадлежали одному и тому же существу, то это было такое кошмарное чудовище, какое может привидеться только в бреду. С моей стороны было бы кощунством не избавить мир от этих костей, поэтому я сходил за мешком и оттащил их к могиле за домом. Там была щель, в которую я их и свалил. Только не сочти меня за идиота! Видел бы тот череп! У него были рога сантиметров по десять в длину, а лицевые и челюстные кости примерно такие же, как у нас с тобой.

Вот когда я почувствовал, как Мэнтон, который придвинулся почти вплотную ко мне, пробрала настоящая дрожь! Но любопытство его оказалось сильнее страха.

— А окна?

— Окна? Они все были без стекол. У одного окна даже выпала рама, а в остальных не осталось ни кусочка стекла. Представь себе такие небольшие ромбовидные окна с решетками, что вышли из моды еще до тысяча семисотого года. Думаю, что стекла в них отсутствовали уже лет сто, не меньше. Кто знает, может быть, их выбил тот паренек? Предание молчит на этот счет.

Мэнтон снова затих. Он размышлял.

— Знаешь, Картер, — заговорил он наконец, — мне бы хотелось взглянуть на этот дом. Ты мне его покажешь? Черт с ними, со стеклами, меня интересует сам дом. И та могила, куда ты свалил кости. И другая могила, без надписи. Ты прав, от всего этого веет какой-то жутью.

— Ты уже видел этот дом, Мэнтон. Он торчал у тебя перед глазами весь сегодняшний вечер.

Некоторый налет театральности, с которым я произнес последнюю фразу, подействовал на моего приятеля куда сильнее, чем я мог ожидать: судорожно отпрянув от меня, он издал оглушительный вопль, сопровождаемый таким призывком, словно он освобождался от удушья, ибо вопль этот вместил в себя все накопившееся и сдерживаемое дотопе напряжение. Да, надо было слышать этот крик! Но самое ужасное заключалось в том, что на него последовал ответ! Не успело стихнуть эхо, как из крошечной тьмы донесся скрип, и я догадался, что открылось одно из решетчатых окон в этом проклятом старом доме неподалеку от нас. Более того, поскольку все рамы, кроме одной, давным-давно выпали, я понял, что скрип этот издает кошмарная пустая рама пресловутого чердачного окна.

Потом все с той же заклятой стороны дохнуло затхлым воздухом могилы, и сразу вслед за тем, совсем уже близко от меня, раздался пронзительный крик; он исходил из той жут-

кой гробницы, где покоились человек и монстр. В следующее мгновение удар чудовищной силы, нанесенный мне невидимым объектом громадных размеров и неизвестных свойств, сбросил меня с моего скорбного сиденья, и я растянулся на плененной корнями почве зловещего погоста, в то время как из могилы вырвалась такая адская какофония шумов и сдавленных хрипов, что фантазия моя мгновенно населила окружающий беспросветный мрак мильтоновскими легионами безобразных демонов. Поднялся вихрь иссушающе-ледяного ветра, раздался грохот обваливающихся кирпичей и штукатурки, но, прежде чем понять, что произошло, я милостью божьей лишился чувств.

Не обладая моим крепким телосложением, Мэнтон, однако, оказался более живучим, и, хотя он пострадал сильнее моего, мы очнулись почти одновременно. Наши койки стояли бок о бок, и через несколько секунд нам стало ясно, что мы находимся в больнице Святой Марии. Персонал сгорал от любопытства; нас обступили со всех сторон и, чтобы освежить нашу память, рассказали нам о том, как мы попали сюда. Оказалось, что какой-то фермер обнаружил нас в полдень на пустыре за Медоу-Хилл, примерно в миле от старого кладбища, в том самом месте, где некогда, по слухам, находилась бойня. У Мэнтонна было две глубоких раны на груди и несколько мелких резаных и колотых ран на спине. Я отделался более легкими повреждениями, зато все тело мое было покрыто ссадинами и синяками самого странного характера — один из кровоподтеков, например, напоминал след копыта.

Мэнтон явно знал больше, чем я, однако озадаченные и заинтригованные врачи не смогли добиться от него ни слова до тех пор, пока он не выведал у них все, что касалось наших ран. Только после этого он сообщил, что мы стали жертвами разъяренного быка — выдумка, на мой взгляд, довольно неудачная, ибо откуда было взяться в таком месте быку?

Как только врачи и сиделки удалились, я повернулся к приятелю и шепотом, исполненным благоговейного ужаса, спросил:

— Но, боже правый, Мэнтон, что это было на самом деле? Что-то такое, о чем можно судить по нашим ранам?

И хотя я почти догадывался, каким будет ответ, он ошеломил меня настолько, что я даже не ощутил чувства торжества от одержанной победы.

— Нет, *это было нечто совсем другое*, — прошептал Мэнтон. — Оно было повсюду... какое-то желе... слизь... И в то же время оно имело очертания, тысячи очертаний, столь кошмарных, что они бегут всякого описания. Я видел там глаза — и в них проклятие! Это была какая-то бездна... пучина... воплощение вселенского ужаса! Картер, *это было неизменное!*

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ

В тридцать лет Рэндольф Картер утратил ключ, отмыкавший врата в мир его снов. Прежде он мог компенсировать прозаичность повседневного существования увлекательными ночными странствиями по затерянным древним городам и сказочно прекрасным землям на берегах эфемерных морей, но с годами чудесные сны все реже посещали Картера, и наконец тот мир стал для него недоступным. Его галеры уже не могли подняться к верховьям полноводного Украноса мимо золоченых шпилей Франа, а караваны слонов не брели сквозь напоенные ароматами джунгли Кледа, где в лунном свете сонно белели давно опустевшие, но незатронутые временем колоннады прекрасных дворцов.

Он прочел много книг об окружавшем его реальном мире и много беседовал с различными людьми. Исполненные благих побуждений философы учили его рассуждать логически и анализировать процессы, подспудно формировавшие его желания и фантазии. Так понемногу он утратил способность удивляться и позабыл о том, что вся наша жизнь — это лишь цепь возникающих в сознании образов, а поскольку нет никакой существенной разницы между отражениями объективной реальности и образами, порожденными фантазией, то нет и причин отдавать кому-то из них предпочтение. Вместо этого ему внушали почти суеверное благоговение перед материальными, осязаемыми вещами, заставляя его втайне стыдиться своих странных видений. Умудренные опытом

люди называли их детскими глупостями, тем более нелепыми, что эти видения настойчиво претендовали на особую значимость и некий скрытый смысл, тогда как бестолковое вращение вселенной продолжало перемалывать нечто в ничто лишь затем, чтобы из этого ничто вновь сделать нечто, не замечая искорок чьих-то желаний и устремлений, вспыхивающих и тут же гаснущих в беспредельном мраке.

Эти трезвые умы хотели прочно приковать его к незыблемому порядку вещей, разъясня суть и практическое назначение каждой вещи, дабы изгнать ненужные тайны из мира, где должно властвовать знание. Он инстинктивно сопротивлялся, надеясь вернуться в те сумеречные сферы, где разрозненные фрагменты видений и мимолетные ассоциации волшебным образом сливались в сознании, даря ему трепетное предвкушение чуда; они же в свою очередь обращали его к чудесам современной науки, побуждая искать красоту в схеме строения атома и траекториях движения небесных тел. Когда же ему не удавалось по достоинству оценить все прелести чего-то давно изученного, рассчитанного и измеренного, его называли лишенным воображения, интеллектуально незрелым типом, поскольку он предпочитал зыбкие иллюзии своих снов добротным и очевидным иллюзиям утвержденного миропорядка.

Картер, как мог, старался не выделяться из толпы, на словах признавая превосходство простейших обывательских эмоций над вычурными фантазиями немногих изошренных душ. Он не возражал, когда ему говорили, что реальные физические ощущения — вроде предсмертной боли свиньи под ножом мясника или желудочных колик у какого-нибудь фермера — значат для этого мира куда больше, нежели бесподобная красота Нарафа с его сотней узорчатых ворот и хрустальными куполами, смутные воспоминания о которых сохранились у него от прежних снов. Следуя мудрым советам, он усердно воспитывал в себе общепринятополезную способность к сопереживанию и состраданию.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОКАЗАНИЯ РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА <i>Перевод О. Мичковского</i>	5
НЕИМЕНУЕМОЕ. <i>Перевод О. Мичковского</i>	13
СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	25
ВРАТА СЕРЕБРЯНОГО КЛЮЧА. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	42
УЖАС ДАНВИЧА. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	90
МУЗЫКА ЭРИХА ЦАННА. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	149
МОДЕЛЬ ПИКМАНА. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	159
СКИТАЛЕЦ ТЬМЫ. <i>Перевод О. Алякринского</i>	177
ХРАМ. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	207
КРЫСЫ В СТЕНАХ. <i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i>	228
В СКЛЕПЕ. <i>Перевод О. Мичковского</i>	253
ИЗГОЙ. <i>Перевод О. Мичковского</i>	265
КАРТИНКА В СТАРОЙ КНИГЕ. <i>Перевод О. Мичковского</i>	274
ХОЛОД. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	286
ШЕПЧУЩИЙ ИЗ ТЬМЫ. <i>Перевод О. Алякринского</i>	298
ТВАРЬ НА ПОРОГЕ. <i>Перевод О. Алякринского</i>	387
КОШМАР В РЕД-ХУКЕ. <i>Перевод И. Богданова</i>	423
ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	458
Примечания. <i>В. Дорогокупля</i>	583

Лавкрафт Г. Ф.

Л 13 Хребты Безумия : роман, повесть, рассказы / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. О. Алякринского, И. Богданова, Л. Бриловой и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 608 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-06778-3

Второй том полного собрания сочинений мастера литературы ужасов — писателя, не опубликовавшего при жизни ни одной книги, но ставшего маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека — на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные вселяют в души неосторожных священный ужас. Все произведения публикуются либо в новых переводах, либо в новой, тщательно выверенной редакции. Эта книга должна стать настольной у каждого любителя жанра, у всех ценителей современной литературы!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 03.07.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 38.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-14758-08-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01.

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors